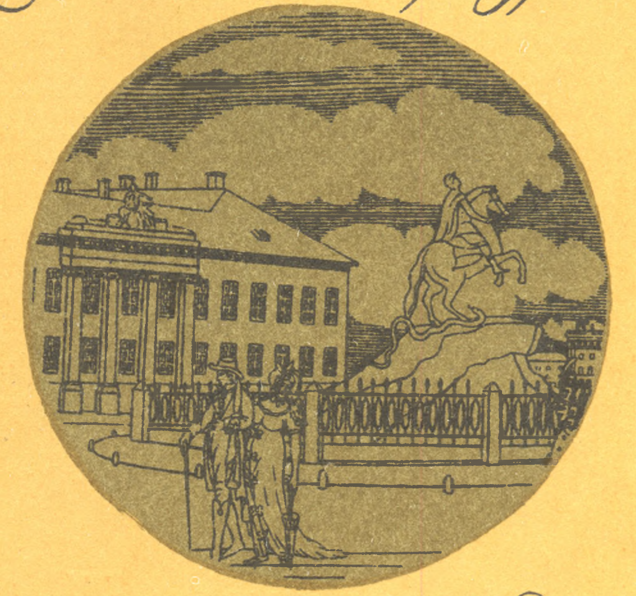
Н. Агнивцевъ

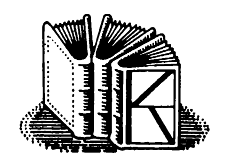
Блистательный Санктъ Петербургъ

Издательство И. П. Ладыжникова

Иванъ Мозалевскiй

"КНИЖНЫЕ РЕДКОСТИ"
Библиотека репринтных изданий

Издательство "Книга"
Москва 1989

Н. АГНИВЦЕВЪ

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ

1 9 2 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО И. П. ЛАДЫЖНИКОВА
БЕРЛИНЪ

ТИПОГРАФІЯ
Е. А. ГУТНОВА
BERLIN S 14
DRESDNER STR. 82

Александрѣ Федоровнѣ Перегонецъ
Петербургской Псишѣ этихъ
стихотвореній

Въ моемъ изгнаньи безконечномъ
Я видѣлъ все, чѣмъ Міръ дивитъ:
Отъ башни Эйфеля—до вѣчныхъ
Легендо-звонныхъ пирамидъ!..

И, вотъ, „на ты" я съ цѣлымъ Міромъ!..
И, оглядѣвши все вокругъ,
Пишу расплавленнымъ Ампиромъ
На дискѣ солнца: „Петербургъ".

ВДАЛИ ОТЪ ТЕБЯ, ПЕТЕРБУРГЪ!

Ужель въ скитаніяхъ по міру
Васъ не пронзитъ ни разу, вдругъ,
Молніеносною рапирой —
Стальное слово „Петербургъ“?

Ужели Пушкинъ, Достоевскій,
Дворцовъ застывшій плацъ-парадъ,
Нева, Мильонная и Невскій
Вамъ ничего не говорятъ?

А тронъ Россійской Клеопатры
Въ своемъ саду?.. И супротивъ
,Александринскаго театра“
Непоколебленный массивъ?

Ужель невѣдомы вамъ даже:
Фасадъ Казанскихъ колоннадъ?
Каріатиды „Эрмитажа?“
Взлетѣвшій Петръ, и „Лѣтній Садъ?“

Ужели вы не проѣзжали,
Въ немного странной вышинѣ,
На старомодномъ „Имперіалѣ“
По „Петербургской сторонѣ?“

Ужель, изъ рюмокъ тонно-узкихъ
Цѣдя зеленый Пиперментъ,
Къ ногамъ красавицъ Петербургскихъ
Вы не бросали комплиментъ?

А непреклонно—раздраженный
Заводовъ Выборгскихъ гудокъ?
А бѣлый ужинъ у „Донона?“
А „Доминикскій“ пирожокъ?

А разноцвѣтные цыгане
На „Черной рѣчкѣ“, за мостомъ,
Когда въ предутреннемъ туманѣ
Все кувыркается вверхъ дномъ;

Когда моторовъ вереница
Летитъ, дрожа, на „Острова“,
Когда такъ сладостно кружится
Отъ Редерера голова!...

Ужели васъ рукою страстной
Не молодилъ на сотню лѣтъ,
На первомайской сходкѣ—красный
Бурлящій Университетъ?

Ужель мечтательная Шура
Не оставляла у окна
Вамъ краткій адресъ для Амура:
„В. О. 7 л. д. 20-а?“

Ужели вы не любовались
На Сфинксовъ фивскую чету?
Ужели вы не цѣловались
На „Поцѣлуевомъ мосту“?

Ужели бѣлой ночью въ маѣ
Вы не бродили у Невы?
Я ничего не понимаю!
Мой Боже, какъ несчастны вы!..

ГРАНИТНЫЙ БАРИНЪ.

Парижъ, Нью - Іоркъ, Берлинъ и Лондонъ!
Какой аккордъ! Но пусть ихъ Рокъ!
Всѣмъ четыремъ одинъ шаблонъ данъ,
Одинъ и тотъ - же котелокъ!

Ревутъ: моторы, люди, стѣны,
Гудки, витрины, провода...
И, обалдѣвши совершенно,
По крышамъ лупятъ поѣзда!

Отъ санкюлотовъ до бомонда,
Въ одномъ порывѣ вѣковомъ,
Парижъ, Нью - Іоркъ, Берлинъ и Лондонъ
Несутся вскачь за пятакомъ!..

И, въ этой сутолкѣ всеміріной,
Одинъ на цѣлый міръ вокругъ —
Брезгливо поднялъ бровь Ампирный
Гранитный баринъ Петербургъ!

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТРІОЛЕТЫ.

Скажите мнѣ, что можетъ быть
Прекраснѣй „Невской перспективы,"
Когда огней вечернихъ нить
Начнетъ размѣренно чертить
Въ туманѣ красные извивы?!...
Скажите мнѣ, что можетъ быть
Прекраснѣй „Невской перспективы?"..

Скажите мнѣ, что можетъ быть
Прекраснѣй майской бѣлой ночи,
Когда начнетъ Былое вить
Сѣдыхъ вѣковъ сѣдую нить
И возвратить столѣтья хочетъ?!..
Скажите мнѣ, что можетъ быть
Прекраснѣй майской бѣлой ночи?..

Скажите мнѣ, что можетъ быть
Прекраснѣй дамы Петербургской,
Когда она захочетъ свить
Любви изысканную нить,
Рукой небрежною и узкой?!..
Скажите мнѣ, что можетъ быть
Прекраснѣй дамы Петербургской?..

СТРАННЫЙ ГОРОДЪ.

Санктъ-Петербургъ—гранитный городъ,
Взнесенный Словомъ надъ Невой,
Гдѣ небосводъ давно распоротъ
Адмиралтейскою иглой!

Какъ явь, вплелись въ твои туманы
Видѣнья двухсотлѣтнихъ сновъ,
О, самый призрачный и странный
Изъ всѣхъ россійскихъ городовъ!

Недаромъ Пушкинъ и Растрелли,
Сверкнувши молніей въ вѣкахъ,
Такъ титанически воспѣли
Тебя—въ гранитѣ и—въ стихахъ!

И майской ночью въ бѣломъ дымѣ,
И въ завываньи зимнихъ пургъ
Ты всѣхъ прекраснѣй—несравнимый
Блистательный Санктъ-Петербургъ!

У АЛЕКСАНДРИНСКАГО ТЕАТРА.

Тамъ, гдѣ Россійской Клеопатры
Чугунный взоръ такъ горделивъ,
Александринскаго театра
Чеканный высится массивъ.

И въ ночь, когда притихшій Невскій
Глядитъ на бронзовый фронтонъ,
Бѣлѣетъ тѣнь Комиссаржевской
Межъ историческихъ колоннъ...

Ты, Петербургъ, съ отцовской лаской
Гордишься ею!.. Знаю я:
Была твоей послѣдней сказкой
Комиссаржевская твоя...

Нѣжнѣе этой сказки — нѣту!
Ахъ, Петербургъ, меня дивитъ,
Какъ могъ придумать сказку эту
Твой размечтавшійся гранитъ?!

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Ахъ, какъ пріятно въ день весенній
Урвать часокъ на променадъ
И для галантныхъ приключеній
Зайти въ веселый „Лѣтній садъ."
Тамъ, средь толпы жантильно-гибкой,
Всегда храня печальный видъ,
Съ разочарованной улыбкой
Поручикъ Лермонтовъ стоитъ! . .

Ахъ, Санктъ Петербургъ, все въ тебѣ
очень странно,
Серебряно—призрачный городъ тумановъ'..
Ахъ, Петербургъ, красавицъ „мушки",
Дворцы, каналы, Невскій твой!
И Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
У парапета надъ Невой!
А бѣлой ночью, какъ нелѣпость,
Забывши день, всю ночь безъ сна
На „Петропавловскую крѣпость"
Глядѣть изъ темнаго окна! . .
И, лишь запрутъ въ „Гостинномъ" лавки,
Несутся къ небу до утра
Рыданье Лизы у „Канавки"
И топотъ Мѣднаго Петра! . .

Ахъ, Санктъ —Петербургъ, все въ тебѣ очень странно,
Серебряно—призрачный городъ тумановъ ! . .
Ахъ, Петербургъ, красавицъ „мушки,“
Дворцы, каналы, Невскій твой!
И Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
У парапета надъ Невой! . .

ПЕТРЪ I-ЫЙ.

Москва и Кіевъ задрожали,
Когда Петръ, въ трескѣ финскихъ скалъ,
Ногой изъ золота и стали
Болото Невское попралъ!..

И взвыли плети!.. И въ два счета —
Движеньемъ Царской длани — вдругъ —
Изъ грязи Невскаго болота —
Взлетѣлъ Ампирный Петербургъ:

И до сихъ поръ, напруживъ спины,
На спинахъ держутъ градъ старинный
Сто тысячъ мертвыхъ костяковъ
Безвѣстныхъ русскихъ мужиковъ!...

И вотъ, теперь, черезъ столѣтья,
Изъ подъ земли, припомнивъ плети,
Ты слышишь, Петръ, какъ въ эти дни
Тебѣ аукаютъ они?!...

СЛУЧАЙ НА ЛИТЕЙНОМЪ ПРОСПЕКТѢ.

Въ этотъ вечеръ надъ Невою
Всталъ туманъ!.. И градъ Петра
Запахнулся съ головою
Въ бѣлый плащъ изъ серебра....
И, тотчасъ же, для начала,
Съ томнымъ крикомъ, вдалекѣ,
Поскользнулась и упала
Дама съ мушкой на щекѣ.

—На Литейномъ, прямо, прямо,
Возлѣ третьяго угла,
Тамъ, гдѣ Пиковая Дама,
По преданію, жила!

И въ слезахъ, прождавъ не мало,
Чтобы кто помогъ ей встать,
Въ огорченьи страшномъ стала
Дама ручками махать.
И на зовъ прекрасныхъ ручекъ,
Къ ней со всѣхъ пустившись ногъ,
Нѣкій гвардіи поручикъ
Мигомъ дамѣ встать помогъ!

—На Литейномъ, прямо, прямо,
Возлѣ третьяго угла,
Тамъ, гдѣ Пиковая Дама
По преданію жила!

Что - же дальше? Ахъ, избавьте!
Не извѣстенъ намъ финалъ.
Мы не видѣли... — Представьте,
Намъ... туманъ... тамъ помѣшалъ...
Мы одно сказать лишь можемъ:
Былъ поручикъ очень милъ!..
И затѣмъ, однимъ прохожимъ
Поцѣлуй услышанъ былъ!

—На Литейномъ, прямо, прямо,
Возлѣ третьяго угла
Тамъ, гдѣ Пиковая Дама
По преданію жила!

НА „СТРѢЛКѢ.“

Ландо, коляски, лимузины,
Гербы, бумажники, бездѣлки,
Брильянты, жемчуга, рубины —
Къ закату солнца — всѣ на „Стрѣлкѣ!“

Струитъ фонтанно въ каждой дамѣ
Аккордъ Герленовскихъ флаконовъ
И вѣетъ тонкими духами
Отъ зеленѣющихъ газоновъ!..

И въ безпрерывномъ лабиринтѣ
Гербовъ, камней и туалетовъ —
Приподымаются цилиндры
И гордо щурятся лорнеты.

И Солнце, какъ эффектъ финальный,
Заходитъ съ видомъ фатоватымъ
Для Петербурга спеціально —
Особо — огненнымъ закатомъ!..

ДАМА НА СВИДАНЬИ.

Вы не видали господина,
Виновника сердечныхъ мукъ?
На немъ — цилиндръ и пелерина
И блѣдно-палевый сюртукъ.

Вотъ, какъ зовутъ его? — Не помню.
Вчера въ „Гостинномъ“ у воротъ
Безъ разрѣшенія его мнѣ
Представилъ просто самъ Эротъ!

Онъ подошелъ съ поклономъ низкимъ,
Корректно сдержанъ a l'anglaise,
Тихонько передалъ записку,
Приподнялъ шляпу и — исчезъ!

Но, гдѣ-жъ записка? — Ради Бога!
Ахъ, вотъ она! Лети, печаль!
Вотъ: „Николай Васильичъ Гоголь“ . . .
Вы не слыхали? — Очень жаль!

В. О. 17 Л.

Вотъ раскрытое окошко! . . .
И задумчиво сидитъ
Въ томъ окошкѣ, рядомъ съ кошкой,
Госпожа Агнесса Шмидтъ.
Гдѣ-то мѣрно бьетъ „12“ . . .
И, взглянувши на чулки,
Стала тихо раздѣваться
Госпожа Агнесса... И —
Ахъ, Агнессочка, Агнессочка! . .
Опустилась занавѣсочка! . .

Черезъ мигъ, довольно рѣзко,
Совершенно невзначай,
Вдругъ, поднялась занавѣска! . .
— Ай, Агнесса! Ай-яй-яй! . .
Рядомъ съ ней, въ любви неистовъ,
Въ совершенномъ забытьи
Господинъ судебный приставъ
Страстно шепчетъ что-то . . . И —
Ахъ, Агнессочка, Агнессочка! . .
Опустилась занавѣсочка!

Черезъ мигъ, ужасно рѣзко,
Чьей-то гнѣвною рукой —
Вновь, поднялась занавѣска!
— Ой, Агнесса! Ой-ой-ой! . .
Ахъ, какъ грустно! Ахъ, какъ жалко
Неудачниковъ въ любви!
Мужъ Агнессы съ толстой палкой
Къ нимъ подходитъ быстро . . . И —
Ахъ, Агнессочка, Агнессочка . .
Опустилась занавѣсочка! . .

ПАВЕЛЪ I-ЫЙ.

Смерть съ Безумьемъ устроили складчину!
И, смѣнивъ на порфиру камзолъ,
Въ Петербургъ прискакавши изъ Гатчины,
Павелъ I-ый взошелъ на престолъ.

И, Судьбою въ порфиру укутанный,
Быстрымъ маршемъ въ вѣка зашагалъ,
Подгоняя Россію шпицрутеномъ,
Коронованный Богомъ капралъ.

Смерть шепнула Безумью встревоженно:
„Посмотри: видишь гробъ золотой?
Въ немъ Россія Монархомъ положена,
Со святыми Ее упокой!“...

Отчего такъ блѣдны щеки дѣвичьи
Рано вставшихъ Великихъ Княженъ?
Отчего тонкій ротъ Цесаревича
Дрожью странною такъ искривленъ?

Отчего тяжко такъ опечалена
Государыня въ утренній часъ?
И съ лица поблѣднѣвшаго Палена
Не отводитъ испуганныхъ глазъ?!...

Во дворцѣ не всѣ свѣчи потушены!
Три свѣчи свѣтятъ въ гробъ золотой:
Въ немъ лежитъ Императоръ задушенный!
Со святыми Его упокой!

ПРИНЦЕССА МОЛЬ.

Ахъ, шумъ кулисъ извивно-узкихъ!
Ахъ, закулисная фриволь!
Ахъ, блескъ театровъ Петербургскихъ!...
Все знаю—я принцесса Моль!

Я помню радостные миги...
Я помню преклоненный залъ,
Когда безсмертный Каратыгинъ
Вдвоемъ съ Безсмертіемъ игралъ!

И вижу я, какъ въ медальонѣ,
Какъ только что ушедшій сонъ:
Носокъ летающей Тальони
И четкій профиль Монбазонъ.

И, сквозь столѣтіе, донынѣ
Изъ глубины могильныхъ плитъ
„La donna" юнаго Мазини
Еще въ ушахъ моихъ звенитъ...

Но въ Вѣчность, огненнымъ Закатомъ,
Ушли былыя времена...
И, нынѣ, въ 910—омъ
Иныя встали имена.

И, стариковъ своихъ не выдавъ,
Неколебимы средь толпы
Варламовъ, Ходотовъ, Давыдовъ —
„Александринскіе" столпы...

Ахъ, Петербургъ, въ борьбѣ съ судьбою,
Въ глазахъ все небо затая,
Горитъ лампадой предъ тобою
Комиссаржевская твоя.

То упадая, то взлетая,
Съ Невы на цѣлый міръ кругомъ
Сверкаетъ Павлова 2-ая
Алмазно-блещущимъ носкомъ.

А „Лѣтній Буффъ“!! Ахъ, въ изступленьи,
До Невскаго несется „bis“,
Когда тамъ съ Вяльцевой въ „Еленѣ“
Играетъ Сѣверскій-Парисъ...

Скороговорщикомъ затѣйнымъ
Во всю рѣзвится, второпяхъ,
Курихинъ Федя на „Литейномъ“
Въ ста восемнадцати роляхъ!

Но, чу... Часы!... Какъ быстро осень
Спускаетъ съ неба вечера!..
На Петропавловкѣ бьетъ „8“
И мнѣ въ „Маріинскій“ пора!

Сейчасъ, какъ мухи на бисквитѣ,
Всѣ дамы—тамъ!.. Наперечетъ!
—Ахъ, тамъ вѣдь Собиновъ, поймите,
Сегодня „Ленскаго“ поетъ!...

ДАМА ИЗЪ ЭРМИТАЖА.

Ахъ, я устала, такъ что даже
Ушла, покинувъ царскій балъ!..
Самъ Императоръ въ Эрмитажѣ
Со мной сегодня танцевалъ!

И мнѣ, до сей поры, все мнится:
Блескъ императорскихъ погонъ,
И комплиментъ Императрицы.
И Цесаревича поклонъ.

Ахъ, какъ мелькали тамъ мундиры!
(Знай только головы кружи!)
Кавалергарды, кирассиры,
И камергеры, и пажи!

Но больше, чѣмъ всѣ кавалеры,
Меня волнуетъ до сихъ поръ
Невѣдомаго офицера
Мнѣ по плечамъ скользнувшій взоръ!

И я отвѣтила ему бы,
Но тутъ вотъ, въ довершенье золъ,
Къ нему, сжавъ вздрогнувшія губы,
Мой мужъ сейчасъ же подошелъ!..

Pardon! Вы, кажется, спросили
Кто мужъ мой? Какъ бы вамъ сказать...
Въ числѣ блистательныхъ фамилій
Его, увы, нельзя назвать!...

Но онъ въ рукахъ моихъ игрушка!
О немъ слыхали вы? иль нѣтъ?
„Александръ Сергѣичъ Пушкинъ,
Камеръ-юнкеръ и поэтъ!"..

ВЪ ДОМИКѢ НА ВВЕДЕНСКОЙ.

У нея—зеленый капоръ
И такіе-же глаза;
У нея на сердцѣ—прапоръ,
На колечкѣ—бирюза!
Ну и что-же тутъ такого?..
Называется-жъ она
Марь Иванна Иванова
И живетъ ужъ издавна —
    Въ томъ домишкѣ, что сутулится
    На углу Введенской улицы,
    Позади сгорѣвшихъ бань,
    Гдѣ подъ окнами—скамеечка,
    А на окнахъ—канареечка
        И — герань!

Я отъ зависти тоскую!
Боже правый, помоги:
Ахъ, какіе поцѣлуи!
Ахъ, какіе пироги!...
Мы одно лишь тутъ замѣтимъ,
Что, по совѣсти сказать,
Вмѣстѣ съ прапоромъ-то этимъ
Хорошо бы побывать —
    Въ томъ домишкѣ, что сутулится
    На углу Введенской улицы,
    Позади сгорѣвшихъ бань,
    Гдѣ подъ окнами—скамеечка,
    А на окнахъ—канареечка
        И—герань!

БѢЛОЙ НОЧЬЮ.

Бѣлой ночью бѣлый ландышъ
Я воткну, грустя, въ петлицу
И пойду за бѣлой сказкой
Въ бѣлый призрачный туманъ...

Посмотрите, посмотрите,
У „Цѣпного моста“ кто-то
Въ старомодной пелеринѣ
Неподвижно смотритъ вдаль...

Господинъ въ крылаткѣ тихо
Про него шепнулъ другому:
— „Николай Васильичъ Гоголь —
Сочинитель „Мертвыхъ душъ“...

У Сената, сдвинувъ брови,
Гнетъ сверкающую шпагу
Незнакомецъ въ треуголкѣ
Съ пистолетомъ при бедрѣ...

Отчего такъ странно-блѣденъ
Незнакомецъ въ треуголкѣ?
Отчего сжимаетъ петля
Золоченый воротникъ?..

Чу! Къ нему, гремя оружіемъ,
Съ двухъ сторонъ подходятъ двое...
Подошли: „Полковникъ Пестель,
Насъ прислалъ къ вамъ Государь“!..

Бѣлой, мертвой странной ночью,
Наклонившись надъ Невою,
Вспоминаетъ о минувшемъ
Странный городъ Петербургъ!

Посмотрите, посмотрите,
Вотъ, задумался о чемъ-то
Незнакомецъ въ альмавивѣ,
Опершись на парапетъ...

Съ Петропавловской твердыни
Бьютъ Петровскіе куранты,
Вызывая изъ могилы
Безпокойныхъ мертвецовъ!

И, тотчасъ-же, возлѣ арки,
Тамъ, гдѣ „Зимняя Канавка,“
Бѣлый призракъ Бѣлой Дамы
Бѣлымъ облакомъ сошелъ...

Зазвенѣли гдѣ-то шпоры
И по мертвому граниту
Къ мертвой дамѣ на свиданье
Мчится мертвый офицеръ!..

—„Германъ?!“—„Лиза?..“ И, тотчасъ-же,
Оторвавшись отъ гранита,
Незнакомецъ въ альмавивѣ
Гордый профиль повернулъ.

— Александръ Сергѣичъ, вы-ли,
Вы-ли это?... Тотъ, чье Имя
Я въ своихъ стихахъ не смѣю
До конца произнести?!..

Бѣлой, мертвой странной ночью,
Наклонившись надъ Невою,
Вспоминаетъ о минувшемъ
Странный городъ Петербургъ...

УЖЕЛЬ НАСТУПИТЪ ЭТОТЪ ЧАСЪ?..

Ужель наступитъ этотъ часъ
На Петропавловскихъ курантахъ,
Когда столица, въ первый разъ,
Заблещетъ въ этотъ страшный часъ
Въ слезахъ, какъ ранѣе въ брилліантахъ?!
Ужель наступитъ этотъ часъ
На Петропавловскихъ курантахъ?..

Ужель наступитъ этотъ годъ
Надъ Петербургомъ вѣчно-звоннымъ,
Когда гранитъ—во прахъ падетъ
И кровь забрызжетъ небосводъ
И ахнетъ твердь гранитнымъ стономъ?!
— Ужель наступитъ этотъ годъ
Надъ Петербургомъ вѣчно-звоннымъ?!..

ГРАФЪ КАЛІОСТРО.

Колонный Эрмитажный залъ
Привсталъ на цыпочкахъ!.. И даже
Амуры влѣзли на порталъ!..
Самъ Императоръ въ Эрмитажѣ
Сегодня польку танцевалъ!..

Князь N, почтенъ и сановитъ,
Своей супругѣ, послѣ танца,
Въ кругу галантныхъ волокитъ
Представилъ чинно иностранца,
Весьма пріятнаго на видъ:

„Графъ Каліостро — розенкрейцеръ,
„Наимудрѣйшій изъ людей!
„Единственный изъ европейцевъ
„Алхимикъ, магъ и чародѣй!"..

Прошло полгода такъ... И вотъ,
Княгинѣ князь промолвилъ остро:
„Вамъ надо-бы продолжить родъ
„Совсѣмъ не графа Каліостро,
„Ну, а какъ разъ — наоборотъ!"..

Княгиня, голову склоня,
Въ отвѣтъ промолвила смиренно:
„Ахъ, не сердитесь на меня,
„Я не виновна совершенно!..
„Ну, что-жъ могла подѣлать я?

„Графъ Каліостро — розенкрейцеръ,
„Наимудрѣйшій изъ людей!
„Единственный средь европейцевъ
„Алхимикъ, магъ и чародѣй!"..

КНЯЗЬ ПАВЕЛЪ.

Съ княземъ Павломъ сладу нѣту!
Comprenez vous, дѣло въ томъ,
Что къ статсъ-дамѣ онъ въ карету
Подъ сидѣнье влѣзъ тайкомъ!
Не качайте головами!
Вѣдь бѣды особой нѣтъ,
Если было той статсъ-дамѣ
Только... только 20 лѣтъ!..

Это было въ придворной каретѣ
Съ княземъ Павломъ въ былые года...
Это было при Елизаветѣ
И не будетъ ужъ вновь — никогда!

И, прикрывши ножки тальмой,
Затряслась статсъ-дама: — „Ой,
„Сколь вы прытки, государь мой,
И — сколь дерзостны со мной!"
Князь ей что-то тутъ невнятно
Прошепталъ... И — стихло тамъ!..
Вѣдь любовь весьма пріятна —
Даже... даже для статсъ-дамъ!

Это было въ придворной каретѣ
Съ княземъ Павломъ въ былые года...
Это было при Елизаветѣ
И не будетъ ужъ вновь — никогда!

И, взглянувъ на вещи прямо,
Поборовъ конфузъ и страхъ,
Очень долго та статсъ-дама
Пребывала въ облакахъ!..
И у дома, спрыгнувъ на земь
Съ той заоблачной стези,
Нѣжно такъ простилась съ княземъ
И промолвила: „Мерси."

Это было въ придворной каретѣ —
Съ княземъ Павломъ въ былые года...
Это было при Елизаветѣ
И не будетъ ужъ вновь — никогда!

ВЪ АРХИПЕЛАГѢ.

Подъ сѣнью греческаго флага,
Болтая съ капитаномъ Костой,
Средь острововъ Архипелага
Мнѣ вспомнился „Елагинъ Островъ!“

Тотъ самый сухопутный островъ,
Куда безъ всякихъ визъ французскихъ,
Васъ отвозилъ легко и просто
Любой извозчикъ Петербургскій....

. . . .

И въ лѣтній день, цвѣтами пестрый,
И въ индевѣющія пурги —
Цвѣти, цвѣти, „Елагинъ Островъ“,
Цвѣтокъ въ петлицѣ Петербурга!

КРАСНЫЙ ДОМЪ.

Вы помните тотъ вѣчно - звонный
Неугомонный „Красный Домъ,“
Вздымающій свои фронтоны
Въ великолѣпіи своемъ ?!

Гдѣ, съ давнихъ поръ, въ россійскомъ мракѣ,
На цѣлый міръ, средь этихъ залъ,
Россійской Мысли вѣчный факелъ
Неугасаемо пылалъ ;

Гдѣ каждый годъ, въ звенящемъ гамѣ
Подъ неустанный смѣхъ и споръ,
Двадцатилѣтними глазами
Сверкалъ гигантскій коридоръ !..

Тамъ, подъ гудѣнье аудиторій,
Средь новыхъ лицъ и новыхъ дней,
Вздыхаетъ въ старомъ коридорѣ
Тѣнь мертвой Юности моей...

ЕЛИСАВЕТЪ.

Ау, вѣка! Ахъ, гдѣ ты, гдѣ ты —
Веселый вѣкъ Елизаветы,
Одѣтый въ золото и шелкъ ?!.
Когда, въ ночи, шагая лѣвой,
Шелъ на свиданье, какъ Ромео,
Къ Императрицѣ цѣлый полкъ;
Когда на царскомъ фестивалѣ
Сержанты томно танцевали
Съ Императрицей менуэтъ...
— Любила очень веселиться
Веселая Императрица
Елисаветъ!

Ау, вѣка!! Ахъ, гдѣ ты, гдѣ ты —
Веселый вѣкъ Елизаветы,
Когда на „площади Сѣнной,"
Палачъ въ подаренной рубахѣ
Къ ногамъ Царицы съ черной плахи
Швырнулъ языкъ Лопухиной!..
И крикнулъ съ пьяною усмѣшкой:
— „Эй, ты, честной народъ, не мѣшкай!
Кому языкъ? Берешь, аль нѣтъ?!"
— Любила очень веселиться
Веселая Императрица
Елисаветъ!

НА „ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНѢ."

Все это было въ переулкѣ
На „Петербургской Сторонѣ,"
Гдѣ всѣ шаги чрезмѣрно гулки...
И въ поэтической прогулкѣ
Вы поболтать позвольте мнѣ
О томъ, что было въ переулкѣ
На „Петербургской сторонѣ." ..

Въ томъ переулкѣ былъ — домишка,
Ну, а въ домишкѣ томъ — „она"
Съ полуразрѣзанною книжкой,
Съ тоской, вязаньемъ и Амишкой —
Майора нѣкаго жена!
Въ томъ переулкѣ былъ — домишка,
Ну, а въ домишкѣ томъ — „она!",

Майоръ! Майоръ! Но гдѣ майоръ-же?
Майоръ воюетъ на войнѣ!
Что можетъ быть на свѣтѣ горше
Судьбы скучающей майорши
На „Петербургской сторонѣ?"
Майоръ! Майоръ! Но гдѣ майоръ-же?
Майоръ — воюетъ на войнѣ!

Но, вотъ, коллежскій регистраторъ —
Всталъ передъ нею „à genoux"
И, сдѣлавъ подъ окномъ сперва туръ,
Въ любви пылая, какъ экваторъ,
Прельстилъ майорову жену
Коллежскій этотъ регистраторъ
Предъ нею вставши „à genoux".

Что-жъ? Кромѣ всяческихъ военныхъ,
Есть и — гражданскіе чины!
И, не позоря чинъ военный,
Мы безпристрастно совершенно
Отмѣтить все-же тутъ должны,
Что — кромѣ всяческихъ военныхъ,
Есть и — гражданскіе чины!

ВЪ 5 ЧАСОВЪ УТРА.

— „Мой Богъ, вотъ скука !.. Даже странно,
Какая сѣрая судьба :
Все тотъ - же завтракъ у „Контана,“
Все тотъ - же ужинъ у „Кюба !“ . .

И каждой ночью, часъ отъ часа,
Въ „Крестовскомъ,“ въ „Буффѣ,“ у „Родэ“
Одни и тѣ - же ананасы,
Однѣ и тѣ - же декольтэ ! . . .

Въ балетѣ - же тоска такая,
Что хоть святыхъ вонъ выноси ! . .
Все та - же Павлова 2-ая,
Et voila ! Et voici ! . .

Цыгане воютъ, какъ гіены,
И пьютъ, какъ 32 быка ! . . .
Въ „Англійскомъ клубѣ“ — неизмѣнно —
Тоска и бриджъ ! Бриджъ и тоска ! . .

И, вообще, нелѣпо - странно
Жить въ этомъ худшемъ изъ вѣковъ,
Когда, представьте, рестораны
Открыты лишь до трехъ часовъ! . .

Едва, едва успѣлъ одѣться, —
Уже, пожалте, спать пора ! . .
И некуда гусару дѣться
Всего лишь въ 5 часовъ утра ! . . .

Гусаръ слезу крюшона вытеръ,
Одернулъ съ сердцемъ рукава
И молвилъ вслухъ : — „Проклятый Питеръ !“
— „Шофферъ, на острова ! ” . .

ТУМАННАЯ ИСТОРІЯ.

Ахъ, это все чрезмѣрно странно,
Какъ Грандиссоновскій романъ...
И эта повѣсть такъ туманна,
Зане въ то время былъ туманъ...

И нѣкто въ сѣрой пелеринѣ,
Большой по виду ферлакуръ,
Промолвилъ дамѣ въ кринолинѣ
Многозначительно: „Bonjour."

И долго тамъ въ туманѣ нѣкто
Съ ней цѣловался, неспроста,
Отъ „Вознесенскаго проспекта"
До „Поцѣлуева моста."

Но кто-жъ она-то?.. Какъ ни странно,
Безъ лицъ ведется сей романъ!...
Ахъ, эта повѣсть такъ туманна,
Зане въ то время былъ туманъ...

И нѣкто въ черной пелеринѣ,
Столкнувшись съ ними, очень хмуръ,
Промолвилъ дамѣ въ кринолинѣ
Многозначительно: „Bonjour".

И долго тамъ въ туманѣ нѣкто
Бранился съ нею, неспроста,
Отъ „Поцѣлуева моста,"
До „Вознесенскаго проспекта..."

ЧЕТЫРЕ.

„Кюба!“ „Контанъ!“ „Медвѣдь!“„Дононъ!“
Чьи имена въ шампанской пѣнѣ
Взлетѣли въ Невскій небосклонъ
Въ своемъ сверкающемъ сплетеньи!..

Ужель имъ больше не звенѣть?!..
Ужель не вспѣнятъ, какъ бывало,
„Кюба,“ „Контанъ,“ „Дононъ,“ „Медвѣдь“
Свои разбитые бокалы?!..

Пусть филистерская толпа
Пожметъ плечами возмущенно,
Нѣтъ Петербурга безъ „Кюба!“
Нѣтъ Петербурга безъ „Донона!“..

ГРАНИТНЫЙ ПРИЗРАКЪ.

Какъ бьется сердце! И въ печали,
На мигъ былое возвративъ,
Передо мной взлетаютъ дали
Санктъ - Петербургскихъ перспективъ!..

И, перерѣзавши кварталы,
Всплываютъ, вдругъ, изъ темноты
Санктъ-Петербургскіе каналы,
Санктъ-Петербургскіе мосты!

И, опершись на колоннады,
Встаютъ незыблемой чредой
Дворцовъ гранитныя громады
Надъ потемнѣвшею Невой!..

Звенятъ проспекты и бульвары
И въ безконечности ночей
На влажныхъ плитахъ тротуара
Дробится отсвѣтъ фонарей...

Пусть апельсинныя аллеи
Лучистымъ золотомъ горятъ,
Мнѣ Петербургскій дождь милѣе,
Чѣмъ солнце тысячи Гренадъ!..

Пусть клонитъ голову все ниже,
Но ни друзьямъ и ни врагамъ
За всѣ Нью-Іорки и Парижи
Одной березки не отдамъ!

Что мнѣ Парижъ, разъ онъ не русскій?!
Ахъ, для меня подъ дождь и градъ,
На каждой тумбѣ Петербургской
Цвѣтетъ шампанскій виноградъ!..

И, застилая все живое,
Туманомъ Невскимъ перевитъ,
Санктъ-Петербургъ передо мною —
Гранитнымъ призракомъ стоитъ!..

„ПЛАНЪ ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА."

Въ Константинополѣ у турка
Валялся, порванъ и загаженъ,
„Планъ города С.-Петербурга"
(„Въ квадратномъ дюймѣ — 300 саженъ...")

И вздрогнули воспоминанья!..
И замеръ шагъ.. И взоръ мой влаженъ...
Въ моей тоскѣ, какъ и на планѣ:
— „Въ квадратномъ дюймѣ — 300 саженъ!..

БУКЕТЪ ОТЪ „ЭЙЛЕРСА."

Букетъ отъ „Эйлерса!" .. Вы слышите мотивъ
Двухъ этихъ словъ, увы, такъ отзвенѣвшихъ скоро?..
Букетъ отъ „Эйлерса," — того, что супротивъ
Многоколоннаго „Казанскаго собора!" ..

И помню я: еще совсѣмъ не такъ давно,
Ты помнишь, мой букетъ? какъ въ бѣломъ, бѣломъ залѣ
На тумбочкѣ рѣзной у стараго пано
Стоялъ ты въ хрусталѣ на „Крюковомъ каналѣ?"

Сверкала на окнѣ узоровъ льдистыхъ вязь,
Звенѣлъ гулъ саннаго искрящагося бѣга
И падалъ весело декабрьскій снѣгъ, кружась!
Букетъ отъ „Эйлерса" вѣдь не боялся снѣга!..

Но въ три дня надъ Невой столѣтье пронеслось!
Теперь не до цвѣтовъ! И отъ всего букета,
Какъ срѣзанная прядь отъ дорогихъ волосъ,
Остался лишь цвѣтокъ засушенный вотъ этотъ!..

Букетъ отъ „Эйлерса" давно уже засохъ!..
И для меня теперь въ рыдающемъ изгнаньи:
Въ засушенномъ цвѣткѣ дрожитъ послѣдній вздохъ
Санктъ-Петербургскихъ дней, растаявшихъ въ туманѣ!

Букетъ отъ „Эйлерса!" Вы слышите мотивъ
Двухъ этихъ словъ, увы, такъ отзвенѣвшихъ скоро?..
Букетъ отъ „Эйлерса," — того, что супротивъ
Многоколоннаго „Казанскаго Собора"...

ДАМА ВЪ КАРЕТѢ.

Въ Парижъ! Въ Парижъ! Какъ странно-сладко
Ты, сердце, въ этотъ мигъ стучишь!..
Прощайте, невскіе туманы,
Нева и Петръ! — Въ Парижъ! Въ Парижъ!

Тамъ—дымъ всеміpнaгo угара,
Rue de la Paix, „Grande Opéra,“
Виномъ залитые бульвары
И — карнавалы до утра!

Парижъ — любовная химера!
Все пало предъ тобой уже!
Парижъ Бальзака и Бодлера,
Парижъ Дюма и Беранже!

Парижъ кокотокъ и абсента,
Парижъ застывшихъ Луврскихъ нишъ,
Парижъ Коммуны и Конвента
И — всѣхъ Людовиковъ Парижъ!

Парижъ бурлящаго Монмартра,
Парижъ Верленовскихъ стиховъ,
Парижъ штандартовъ Бонапарта,
Парижъ семнадцати вѣковъ!

И тянетъ, въ страсти неустанной,
Къ тебѣ весь міръ уста свои,
Парижъ Гюи-де-Мопассана,
Парижъ смѣющейся любви!

И я везу туда не мало
Добра въ фамильныхъ сундукахъ:
И слитки золота съ Урала
И перстни въ дѣдовскихъ камняхъ!

Пускай Парижъ тамъ подивится,
Своихъ франтихъ разшевеля,
На чернобурую лисицу,
На горностай и соболя!

Но ѣду все-жъ съ тоской въ душѣ я!
Дороже мнѣ поклажи всей
Вотъ эта ладанка на шеѣ!
Въ ней горсть родной земли моей!

Ахъ, и въ аллеяхъ Люксембурга
И въ шумѣ ресторанныхъ залъ —
Туманный призракъ Петербурга
Передо мной вездѣ стоялъ!..

Пусть онъ — невидимъ! Пусть далекъ онъ!
Но въ грохотѣ парижскихъ дней
Всегда, какъ въ медальонѣ локонъ,
Санктъ-Петербургъ — въ душѣ моей!

Н. Н. ХОДОТОВУ.

Когда тебя увижу, вдругъ,
Вмигъ, подъ дрожащей пеленою,
Весь старый пышный Петербургъ
Встаетъ, какъ призракъ, предо мною:

Декабрьскихъ улицъ бѣлизна,
Нева и Каменноостровскій,
И мѣрный говоръ Куприна,
И трели Лидіи Липковской;

И пробка шумнаго „Аи",
И Вильбушевичъ съ Де-Лазари;
Пажи безсмѣнные твои —
На піанино, и гитарѣ;

И — всѣхъ встрѣчающій домъ твой,
Гдѣ не слыхали слова: „Тише!"
И — неразрывныя съ тобой
„Александринскія" афиши!..

Ты — знамя юности моей!
Тебя несу въ душѣ донынѣ!..
Ты — отблескъ Петербургскихъ дней
На пріютившей насъ чужбинѣ!

ГОЛУБАЯ ДАМА.

Въ этотъ день, какъ огромный опалъ,
Было небо прозрачно... И нѣкто,
Въ черный плащъ запахнувшись, стоялъ
На мосту у „Большого Проспекта“...

И къ нему, проскользнувъ межъ каретъ,
Словно выйдя изъ бархатной рамы,
Подошла, томно вскинувъ лорнетъ,
Въ голубомъ незнакомая Дама...

Былъ на ней голубой кринолинъ
И была вся она — голубою,
Какъ далекій аккордъ клавессинъ,
Какъ апрѣльскій туманъ надъ Невою...

— „Государь мой, признайтесь: вѣдь вы
„Тотъ вельможа, чей жребій такъ славенъ
Князь Тавриды Потемкинъ?!“ — „Увы,“
„Я всего только старый Державинъ!“.

И, забывъ о Фелицѣ своей,
Сбросивъ съ плечъ тяготившіе годы,
Старый мастеръ сверкнулъ передъ ней,
Всею мощью Державинской оды!..

Но она, подобравъ кринолинъ,
Вдаль ушла, чуть кивнувъ головою...
— Какъ далекій аккордъ клавессинъ,
Какъ апрѣльскій туманъ надъ Невою...

НА РАЗСВѢТѢ.

Разсвѣтаетъ! Даль зоветъ
Въ вихри звономъ саннымъ!..
Тройка стынетъ у воротъ...
— „Ну-ка, Петръ, къ цыганамъ!"..

Гаркнулъ зычно Петръ: „Па-а-а-ди!"
(Парень онъ таковскій!)
И остался позади
„Каменноостровскій!"..

Лейбъ-гусарскіе усы
Вмигъ заиндевѣли!..
И уткнулись всѣ носы
Въ сѣрыя шинели!..

И, сквозь снѣжный адамантъ,
Для лихой попойки,
Залетѣли въ „Самаркандъ"
Взмыленныя тройки!"

— „Тусса! Тусса! Тусса!
„Мэкамамъ чочо!..
„Цѣ-ѣ-ѣловаться горячо!"..

ТРИПТИХЪ.

Кулебяка „Доминика,“
Пирожокъ изъ „Квисисаны,“
„Соловьевскій“ бутербротъ. . .

Вотъ триптихъ немного - дикій,
Вотъ триптихъ немного - странный,
Такъ и прыгающій въ ротъ ! . .

Каждый полдень, хмуря лики,
Предо мною изъ тумана
Трое призраковъ встаетъ :

— Кулебяка „Доминика,“
Пирожокъ изъ „Квисисаны,“
„Соловьевскій“ бутербротъ ! . .

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАНАЛЪ.

Вы не бывали
На каналѣ?
На погрузившемся въ печаль
„Екатерининскомъ каналѣ,“
Гдѣ воды, тяжелѣе стали,
За двѣсти лѣтъ бѣжать устали
И побѣгутъ опять едва-ль...
Вы тамъ навѣрное бывали?
А не бывали! — Очень жаль!

Эротъ въ ночи однажды, тайно
Надъ Петербургомъ пролеталъ,
И уронилъ стрѣлу случайно
Въ „Екатерининскій каналъ.“
Старикъ-каналъ, въ волненьи странномъ,
Запѣнилъ, забурлилъ вокругъ
И вмигъ — Индійскимъ Океаномъ
Себя почувствовалъ онъ вдругъ!..

И, заплескавши тротуары,
Ревѣлъ, томился и вздыхалъ
О параллельной „Мойкѣ“ старый
„Екатерининскій каналъ“...
Но, „Мойка“ — женщина. И, бойко
Рѣшивъ любовныя дѣла,
Ахъ!.. „Крюкову каналу“ „Мойка“
Свое теченье отдала!..
Ужасно ранитъ страсти жало!..
И пожелтѣлъ тамъ, на финалъ,
Отъ козней „Крюкова канала“
„Екатерининскій каналъ!“..

Вы не бывали
На каналѣ?...
На погрузившемся въ печаль
„Екатерининскомъ каналѣ,“
Гдѣ воды, тяжелѣе стали,
За двѣсти лѣтъ бѣжать устали
И побѣгутъ опять едва-ль?
Вы тамъ навѣрное бывали?
А не бывали! — Очень жаль!

КОРОБКА СПИЧЕКЪ.

Какъ вздрогнулъ мозгъ, какъ сердце сжалось!
Весь день безъ словъ, вся ночь безъ сна!.
Сегодня въ руки мнѣ попалась
Коробка спичекъ „Лапшина"...

Ахъ, сердце — рабъ былыхъ привычекъ!
И передъ нимъ видѣньемъ, вдругъ,
Изъ маленькой коробки спичекъ
Всталъ весь гигантскій Петербургъ:

Исакій, Петръ, Нева, Крестовскій,
Стозвонно-плещущій Пассажъ,
И плавный Каменноостровскій,
И баснословный Эрмитажъ,

И первой радости зарницы,
И грусти первая слеза,
И чьи-то длинныя рѣсницы,
И чьи-то сѣрые глаза...

Поймете-ль вы, чужія страны,
Меня въ безуміи моемъ?..
Вѣдь это Юность изъ тумана
Мнѣ машетъ бѣлымъ рукавомъ!..

Послѣднимъ шопотомъ привѣта
Отъ Петербурга лишь одна
Осталась мнѣ, всего лишь, эта —
Коробка спичекъ „Лапшина"...

КОГДА ГОЛОДАЕТЪ ГРАНИТЪ...

Былъ день и часъ, когда уныло
Вмѣшавшись въ шумную толпу,
Краюшка хлѣба погрозила
„Александрійскому столпу!“..

Какъ хохотали переулки,
Проспекты, улицы!.. И, вдругъ,
Предъ трехкопеечною булкой
Склонился ницъ Санктъ-Петербургъ!..

И въ звонѣ утренняго часа
Скрежещетъ лязгъ голодныхъ плитъ!..
И, вотъ, отъ голода — затрясся
Елизаветинскій гранитъ!..

Вздохнули старые палаццо...
И, потоптавшись у колоннъ,
Пошелъ на Невскій — продаваться
Весь блескъ прадѣдовскихъ временъ!..

И сразу сгорбились фасады...
И, стиснувъ зубы, надъ Невой —
Восьмиэтажныя громады
Стоятъ съ протянутой рукой!..

— Ахъ Петербургъ, какъ страшно-просто
Подходятъ дни твои къ концу!..
Подайте „Троицкому мосту“,
— Подайте „Зимнему Дворцу“!..

ВЫ ПОМНИТЕ БЫЛЫЕ ДНИ...

Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?!
Какъ были праздничны они
Надъ Петербургскою Невою!!

Вы помните какъ ночью, вдругъ,
Взметнулись красныя зарницы
И утромъ вдѣлъ Санктъ-Петербургъ
Гвоздику юности въ петлицу?..

Ахъ, кто могъ знать, глядя въ тотъ разъ
На двухсотлѣтняго гиганта,
Что бьетъ его послѣднiй часъ
На „Петропавловскихъ курантахъ!"..

И вотъ, иные дни пришли!
И для изгнанниковъ дни эти
Идутъ вдали отъ ихъ земли
Тяжелой поступью столѣтiй!..

Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?!!
Какъ были праздничны они
Надъ Петербургскою Невою!..

Вы помните иглистый Шпицъ,
Что Пушкинъ пѣлъ такъ небывало?
И пышность бронзовыхъ страницъ
На вѣковѣчныхъ пьедесталахъ?

И ту гранитную скалу,
Гдѣ Всадникъ взвился у обрыва,
И вдаль летящую стрѣлу
Звенящей „Невской перспективы";

И красокъ вѣчный карнавалъ
Въ картинныхъ рамахъ „Эрмитажа“
И электрическій скандалъ
Часовъ „Омега“ надъ „Пассажемъ“;

И толщь Исакіевскихъ колоннъ
И разметенныя по свѣту
„Биржевку“, „Рѣчь“, „Сатириконъ“
И „Петербургскую газету“;

И вздохъ любви нежданныхъ встрѣчъ
На площадяхъ, въ садахъ и скверахъ,
И блескъ открытыхъ дамскихъ плечъ
На вернисажахъ и премьерахъ;

И чьи-то пряныя уста,
И поцѣлуи въ чьемъ-то взорѣ,
У разведеннаго моста
На ожидающемъ моторѣ...

Вы помните про тѣ года
Угасшей жизни Петербургской?..
Вы помните! Никто тогда
Васъ не корилъ тѣмъ, что вы „русскій“.

И, бѣлымъ облакомъ скользя,
Встаетъ все то въ душѣ тревожной,
Чего вернуть, увы, нельзя,
И позабыть что невозможно!..

ОГЛАВЛЕНІЕ:

ПОСЛЕСЛОВИЕ
к репринтному изданию

Александр Вертинский упоминает в своих воспоминаниях о встречах в «белом» Крыму с Агнивцевым, который вручал своим знакомым визитную карточку, где значилось: «Поэт Николай Агнивцев – миллионер». В те времена миллион рублей стоила коробка спичек.

Что это? Эпитаж? Пожалуй.

В 1921 г. Агнивцев-эмигрант выпускает в Берлине книжку «Мои песенки» с весьма примечательным посвящением: «Всем, сценически обокравшим меня, стоически посвящаю».

Опять эпатаж? Скорее – ирония.

И, наконец, по возвращению в революционную Россию (1923) Агнивцев в «Необходимом предисловии» к своей книжке «От пудры до грузовика» (стихи 1916–1926 гг.) объясняет:

«„От пудры до грузовика" – не просто книжка выбранных стихов различных периодов. Это – мой литературный паспорт со всеми рифмованными визами, своевременно отмечавшими мои стихотворные шатания с 1916 по 1916 г.

Что же? В свое время я имел неистребимое право молодости на всевозможные ошибки. Никто не посмеет сказать, что я не воспользовался этим правом».

В авторском признании определенно звучат грустные нотки. Грустная ирония, одним словом.

Каким поэтом был Николай Агнивцев? Каким человеком? Человеком какой судьбы?

Первый том «Литературной энциклопедии» (1929) сообщает: «В первый (дореволюционный. – *В.Ф.*) период основные мотивы его поэзии – экзотика, эротика и идеализация феодально-аристократического мира. В дальнейшем

основным настроением становится сменовеховский национализм. Последний же период творчества Агнивцева посвящен будням советского быта. Известен и как автор ряда книжек для детей».

В 1930 г. Агнивцев в издательстве «Радуга» переиздает последние свои детские книжки «О бедном щеголенке» и «Сказка с цветами». В 1932 г. жизнь поэта трагически оборвалась.

Спустя 30 лет «Краткая литературная энциклопедия» (1962) уведомила, что «русский советский поэт» Агнивцев «приобрел известность эстетскими песенками и куплетами для эстрады, содержавшими эротические и экзотические мотивы; по характеру они близки песенкам А.Н.Вертинского». И далее: «...стихи эмигрантской поры отмечены тоской по родине». Сказано немного и как-то неуважительно. Впрочем, как и упоминание в контексте имени А.Н.Вертинского.

В действительности так называемые «песенки» по сути своей являли миниатюрные сюжетные новеллы в стихах. Они не требуют обязательно музыкального озвучивания. За всеми этими «пудрами», «маркизами» и прочими атрибутами пасторали в манере Калло просматривается гражданская позиция поэта, и этим утверждается преемственность его творчества с песенками Беранже. Он насмешлив, он грустен, он ироничен, он эксцентричен... Подчас у него «хромает» рифма, попадаются неудачные строки, случаются повторения... Но как быстро растет его мастерство от книги к книге! «Студенческие песни» (1913) и «Под звон мечей» (1915) – определенно слабы. «Мои песенки» (1921), наряду с спорными, содержат много превосходных стихов, безупречных по форме и точно стилизованной сюжетной канве (например, стихотворения «Смерть поэта», «Король Артур»). Ирония теснит юмор, насмешливость уступает место грусти («Белый вальс», «Чортова колыбельная»).

Бесспорно лучшая его книга «Блистательный Санкт-Петербург» (Берлин, 1923) имела предысторию. Сначала это

просто «Санкт-Петербург» (Тифлис, 1921), который ностальгия (два года эмиграции) превратила в подлинный поэтический шедевр. В этой работе уже нет слабых стихов, они все – или, говоря строго, почти все – превосходны и несомненно составляют то лучшее, что успел создать поэт в своей короткой жизни. Тонко выписанные поэтическими штрихами образы российских самодержцев (Петра, Елизаветы, Павла, Николая) и сцены российской истории с трагическими теневыми моментами сменяют восторженные строки, касающиеся имен Пушкина, Лермонтова, Гоголя и многих других... тех, кто по праву считается гордостью русской культуры.

Взвихренная революцией Русь вынесла за свои пределы с волной эмиграции многих растерявшихся людей. И немногие имели мужество, осознав свой грех и ошибку, вернуться на Родину. Вернулись те, кто оказались неспособными разорвать свои личные судьбы с судьбою Родины. Вернулись Агнивцев и Вертинский. В разные времена, но по сходной причине – ностальгия оказалась смертельной болезнью, единственно возможным средством лечения которой была Родина. Вернулись в разные времена истории своей страны, и оттого по разному сложились их судьбы.

С удивлением и уважительным изумлением читаешь строки «послеэмигрантского» Агнивцева. Это – даже не стихи, это – крик, простите, щенячий визг, визг восторга, который возможен только в очень молодом и оттого счастливом возрасте («Снова в Петербурге»):

Прощайте, немцы, греки, турки,
И здравствуй, Русская земля!
В своем я, снова, Петербурге,
Я, снова, русский! Снова – «я»!

. . . .

И в небо Питера, бледнея,
Уходит беженский угар...
И, вновь, я рифмою своею –
Целую Невский тротуар!..

Пожалуй, русская литература (а может быть, и не только русская?) не знала иного примера, когда практически вся книга стихов была посвящена своему городу, – поэтом, страстно влюбленным в его историю, в его традиции, в его быт. Право же, Агнивцев относился к Петербургу как к любимой женщине. Он не просто любил, – он поклонялся, боготворил, жил и дышал этим городом, всем, что было как-то связано с ним. Можно добавить, что Агнивцев – не просто «русский советский поэт», он – прежде всего – петербуржец, поэт Петербурга, точнее – первейший его поэт, навсегда преклонивший колено перед его величием.

Вадим Федоров

Николай Яковлевич Агнивцев

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Репринтное воспроизведение издания 1923 года

Автор послесловия
В.Д.Федоров

Ответственный за выпуск
В.И.Синюков

ИБ № 1948
Подписано в печать 10.08.89. Формат 84x108 1/32. Усл.печ.л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,67. Уч.-изд. 1,74. Тираж 50 000 экз. Изд. № 4909.
Заказ № 338 Цена 1 р.

Издательство "Книга", 125047, Москва, ул. Горького, 50.

Ярославский полиграфкомбинат Госкомпечати СССР.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

А $\frac{4702010202\text{-}070}{002(01)\text{-}89}$ Без объявл.

ISBN 5-212-00343-1

1 руб.